

ЗАМѢТКИ НА ВОСПОМИНАНІЯ Л. В. ЛЬВОВА.

Въ Мартовской книжкѣ «Р. Архива» сего года помѣщена часть воспоминаній г. Львова, касающихся почти исключительно того времени, которое онъ провелъ въ Иркутскѣ по исполненію огромной массы возложенныхъ, по словамъ его, на него порученій. О порученіяхъ этихъ въ началѣ V-й главы (стр. 352) онъ говоритъ такъ: «Въ 1838 году графъ Киселевъ предложилъ мнѣ командировку въ Восточную Сибирь для обревизованія государственныхъ имуществъ и поселеній ссыльныхъ, обозрѣнія золотыхъ промысловъ, въ отношеніи отводимыхъ подъ пріиски участковъ и поселенія декабристовъ, освобожденныхъ тогда отъ каторжной работы».

Исчисленные г. Львовымъ порученія такъ обширны, что на сколько нибудь сносное исполненіе ихъ, принимая въ расчетъ разстоянія и пути сообщенія въ Сибири, потребовалось бы, не только одному г. Львову, но и цѣлой комиссіи изъ нѣсколькихъ лицъ, нѣсколько лѣтъ; а между тѣмъ графъ Киселевъ, какъ видно изъ означенныхъ выше словъ, возложилъ ихъ на него одного.

Сибирякъ по рожденію и, можетъ быть въ настоящее время одинъ изъ немногихъ уже современниковъ тѣхъ лицъ, которыхъ г. Львовъ описываетъ, я долженъ сказать, что большая часть свѣдѣній имъ сообщаемыхъ невѣрна и, кромѣ того, набрасываетъ невыгодную тѣнь на такихъ людей, которые этого ничѣмъ не заслужили. Я говорю о декабристахъ и ихъ женахъ, радушно принимавшихъ автора, какъ видно изъ самыхъ его воспоминаній, въ своемъ кружкѣ, не имѣя въ томъ никакой надобности, а просто желая оказать гостепріимство молодому человѣку, захватшему изъ столицы, въ незнакомый край—глубь Сибири.

Пребываніе декабристовъ въ Сибири, насколько я знаю, едва-ли оставило въ комъ либо изъ насъ Сибиряковъ дурныя о себѣ воспоминанія. Напротивъ, оно имѣло широкое образовательное вліяніе, за которое многіе изъ насъ, а въ томъ числѣ и я, хранимъ искреннюю къ нимъ благодарность. Не политическихъ дѣятелей видѣли мы въ нихъ, а людей, которые тридцать лѣтъ сряду несли на нашихъ глазахъ тяжелое наказаніе, несли его спокойно, съ достоинствомъ и вѣрою въ Промыселъ Божій. Вотъ, съ этой стороны и я хочу сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Изъ перечисленія г. Львовымъ данныхъ ему порученій я никакъ не могу понять что было поручено ему относительно декабристовъ. Было ли поручено ему поселять ихъ сообразно его усмотрѣнiю, или же только обривизовать самыя ихъ поселенія?

Высылка декабристовъ изъ каторжной работы на поселеніе произошла неодновременно, а дѣлалась постепенно, по мѣрѣ окончанія каждымъ изъ нихъ срока каторги. Насколько я помню, ни одинъ изъ декабристовъ не пробылъ въ каторгѣ срока, опредѣленнаго ему приговоромъ верховной надъ ними комиссіи. Сроки эти, по волѣ блаженной памяти Государя Императора Николая Павловича, постоянно сокращались при радостныхъ въ Царственной Семьѣ событіяхъ. Высылка декабристовъ на поселеніе началась вскорѣ послѣ того какъ состоялся означенный приговоръ. Такъ 1828 году были уже на поселеніи, по теченію рѣки Лены, въ Якутскѣ—Александръ Александровичъ Бестужевъ (Мардинскій) и графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ; въ Олекмѣ—Н. А. Чижовъ и Андреевъ; въ Витимѣ—Заикинъ, Н. А. Загорѣцкій и М. А. Назимовъ; въ Киренскѣ—князь В. М. Голицынъ и А. В. Веденяпинъ и, наконецъ, въ Верхоленскѣ—Рѣпинъ. Въ Вилюйскѣ былъ М. И. Муравьевъ-Апостоль *). Изъ нихъ Бестужевъ, Чернышовъ (еще въ 1829 г.), Чижовъ, Загорѣцкій, Назимовъ и Голицынъ были переведены на Кавказъ въ рядовые. Заикинъ умеръ въ Витимѣ. Рѣпинъ вмѣстѣ съ Андреевымъ, когда этотъ, переведенный куда-то (тоже чуть ли не на Кавказъ) остановился у него, проѣздомъ, въ Верхоленскѣ, сторѣли оба ночью при пожарѣ дома, въ которомъ спали. Изъ всѣхъ означенныхъ выше лицъ въ настоящее время живы только: Матвій Ивановичъ Муравьевъ-Апостоль и Михаилъ Александровичъ Назимовъ (живущій въ Псковѣ). Съ того времени продолжалась постепенная высылка окончившихъ срокъ каторги декабристовъ на поселеніе, и еще задолго раньше пріѣзда г. Львова въ Сибирь, чуть ли не всѣ они были высланы изъ Петровскаго каземата, и такимъ образомъ г. Львову устраивать для нихъ новыя поселенія отнюдь не приходилось, точно также какъ не приходилось ревизовать и прежнихъ, потому что таковыхъ вовсе не было.

Всѣ декабристы были поселяемы отнюдь не отдѣльно, а въ крестьянскихъ селеніяхъ. Къ этому считаю нелишнимъ прибавить, что такъ какъ всѣ декабристы находились всегда исключительно подъ вѣдѣніемъ III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, быв-

*) Были въ Восточной Сибири, кромѣ нихъ, въ разныхъ мѣстахъ и другіе; но такъ какъ я ихъ не зналъ, то и не говорю о нихъ.

шаго въ то время подъ начальствомъ графа Бенкендорфа, то едва ли графъ Киселевъ могъ вмѣшиваться въ чужія дѣла и поручать г. Львову что либо касающееся до декабристовъ. Еще раньше прїѣзда его въ Восточную Сибирь, декабристы около Иркутска были разселены такъ: въ 18 верстахъ отъ Иркутска, по Ангарскому тракту, въ слободѣ Урикѣ — Сергѣй Григорьевичъ Волконскій, братья Муравьевы, Никита и Александръ Михайловичи, Михаилъ Сергѣевичъ Лукинъ и докторъ Фердинандъ Богдановичъ Вольфъ. Для того чтобы не разлучаться съ послѣднимъ и пользоваться его совѣтами, первые трое, какъ люди женатые и имѣвшіе дѣтей, исходатайствовали себѣ совмѣстное съ нимъ поселеніе; многіе же другіе, какъ будетъ видно дальше, въ сосѣднихъ деревняхъ и къ нему поближе. Такъ въ 8 верстахъ отъ Урика, въ слободѣ Усть-Кудѣ, при впаденіи рѣки Куды въ Ангару, жили П. А. Мухановъ и братья Поджіо, Осипъ и Александръ Викторовичи. Первый изъ нихъ ни въ Читѣ, ни въ Петровскомъ казематѣ не былъ, а привезенъ на поселеніе прямо изъ Шлюссельбургской крѣпости, гдѣ онъ пробылъ 8 лѣтъ. Александръ Викторовичъ ¹⁾ прїѣхалъ прямо къ нему изъ Петровскаго каземата и до самой смерти съ нимъ не разлучался. По Якутскому тракту, въ слободѣ Хомутовой, жилъ Сутгофъ съ женою; въ слободѣ Оекѣ (первая въ 5-ти, а вторая въ 25-ти верстахъ отъ Урика) Сергѣй Петровичъ Трубецкой, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Вадковскій ²⁾ и, если не ошибаюсь, Андрей Андреевичъ Быстрицкій; а въ 30 верстахъ отсюда, въ слободѣ Тугутъ—Александръ Лукичъ Кучевскій ³⁾. По тракту отъ Иркутска къ Байкалу, въ 5-ти верстахъ отъ первого, въ деревнѣ Малой Разводной жили А. З. Муравьевъ, А. И. Якубовичъ, братья Петръ и Андрей

¹⁾ Г. Львовъ, стр. 358, хоти и говоритъ, что Лукинъ и А. В. Поджіо жили въ Аекѣ (Оекѣ), но этого никогда не было: ни тотъ, ни другой тамъ вовсе не жили.

²⁾ Вадковскій былъ прекрасный скрипачъ и имѣлъ очень дорогую скрипку, купленную ему, какъ говорили, за 6.000 франковъ кѣмъ-то изъ родныхъ въ Парижѣ. Умирая въ Оекѣ отъ чахотки, онъ завѣщалъ скрипку эту такому же хорошему скрипачу, помѣщику Волинской губерніи Вольфгангу Фаустиновичу Щепковскому, который, по дѣлу эмиисара Конарскаго, былъ сосланъ въ 1839 году въ Сибирь на каторгу, а потомъ выпущенъ на поселеніе. Щепковскій умеръ въ 1856 или 1857 году у ксендзовъ въ Иркутскѣ. Кому-то досталась послѣ него эта скрипка?

³⁾ Кучевскій въ числу декабристовъ не принадлежалъ. Онъ былъ присланъ къ нимъ въ Петровскій казематъ за что-то изъ Астрахани; точно также былъ присланъ туда Ипполитъ Завалишинъ съ товарищами своими Таптыковымъ, Дружининнымъ и Колесниковымъ, которыхъ онъ вовлекъ въ Оренбургскій свой заговоръ и на которыхъ потомъ, рѣсчитывая на награду за открытіе, самъ же донесъ. Сынъ же Кучевскаго Ѳеда былъ взятъ, чрезъ меня, на воспитаніе Трубецкими и воспитывался съ ихъ сыномъ, сначала въ семьѣ, а потомъ въ Московскомъ университетѣ.

Ивановичи Борисовы и Алексѣй Петровичъ Юшневскій съ женою ¹⁾; а далѣе въ 30 верстахъ, на такъ-называемой Лосевской Займкѣ, Николай Алексѣевичъ Пановъ. Въ 8 верстахъ отъ Иркутска, по Круго-Байкальскому тракту, Владимиръ Александровичъ Бечасновъ, выстроившій тутъ небольшой заводъ для выдѣлки коноплянаго масла. Затѣмъ, въ болѣе отдаленномъ уже разстояніи отъ Иркутска, въ 120 верстахъ по рѣкѣ Бѣлой, въ слободѣ Бѣльскѣ, И. А. Анненковъ, П. О. Громницкій и Колесниковъ; а въ такомъ же разстояніи, по тракту Ангарскому, въ слободѣ Каменкѣ П. Н. Свистуновъ и въ 60 верстахъ отъ него, внизъ по рѣкѣ Ангарѣ, въ селеніи Малышевкѣ—Дружининъ и Таптыковъ. Здѣсь я перечислилъ всѣхъ декабристовъ и другихъ, причисленныхъ къ ихъ кружку, поселенныхъ въ Иркутскомъ округѣ.

Сопоставивъ все это со словами г. Львова (стр. 356), что «послѣ совѣщанія съ генераль-губернаторомъ и составленія программы занятій было рѣшено начать съ обозрѣнія и устройства поселеній декабристовъ, находившихся въ Петровскомъ заводѣ, Верхнеудинскаго округа», невольно рождается желаніе спросить г. Львова: какія именно обозрѣвалъ и устраивалъ онъ селенія декабристовъ и кого именно изъ нихъ гдѣ поселилъ? Здѣсь нелишнимъ считаю сказать, что тотъ Кюхельбекеръ, о которомъ г. Львовъ (стр. 358) говоритъ, что онъ жилъ на Китайской границѣ, былъ отнюдь не Карлъ, какъ онъ его называетъ, а Михаилъ Карловичъ ²⁾. Я познакомился съ нимъ у Трубецкихъ, когда онъ пріѣзжалъ изъ-за Байкала въ Иркутскъ.

О тѣхъ Декабристахъ, которые были поселены въ городахъ Енисейской губерніи и Западной Сибири ³⁾, сказать ничего не могу; такъ какъ при нихъ тамъ не бывалъ. Когда же впоследствии, спустя довольно продолжительное время послѣ возвращенія ихъ въ Россію, мнѣ случалось много разъ проѣзжать чрезъ нѣкоторые изъ тѣхъ городковъ, гдѣ они жили, то вездѣ я слышалъ о нихъ лишь самыя хорошія от-

¹⁾ Въ Оекѣ, на отпѣваніи Вадковскаго, въ числѣ прочихъ товарищей, былъ и А. П. Юшневскій. Молясь за умершаго товарища, онъ наклонился къ землѣ, съ нимъ сдѣлался ударъ, и онъ упалъ мертвый. Жена его была Марья Казимировна, а не Марья Ивановна, какъ называетъ ее г. Львовъ на стр. 358.

²⁾ Сосланы были два брата Кюхельбекеръ: Михаилъ Карловичъ, бывшій морякъ, и Вильгельмъ Карловичъ—поэтъ.

³⁾ Хотя г. Львовъ на стр. 357 и говоритъ, что Декабристы, по выходѣ изъ Петровскаго завода (каземата?) должны были быть поселены на избранныхъ или же самими мѣстностяхъ въ границахъ Восточной Сибири; но это не вѣрно: многіе изъ нихъ: Нарышкинъ, Басаргинъ, Пущинъ, Ягальцовъ, Фонтъ-Визинъ, баронъ Розенъ, князь Оболенскій и другіе были поселены въ Западной Сибири. Странно, что г. Львовъ, если было дано ему такое важное, относительно декабристовъ, порученіе, не зналъ тогда и не знаетъ теперь, какъ и гдѣ они были разселены.

звы. Всѣ, знавшіе ихъ, съ которыми мнѣ приходилось разговаривать, сообщали о нихъ только добрыя воспоминанія, а многіе отзывались съ благодарностію, кто за помощь, кто за совѣтъ, а кто за обученіе. Изъ числа этихъ Декабристовъ я былъ знакомъ съ Владимиромъ Ивановичемъ Штейнгелемъ, жившимъ сначала (до перевода въ Западную Сибирь) въ слободѣ Елани, Иркутскаго округа, куда я ѣзжалъ къ нему часто изъ Тельминской фабрики, гдѣ я тогда жилъ, и съ Иваномъ Ивановичемъ Пушнымъ, который, по данному имъ обѣщанію—навѣщать чрезъ каждыя 10 лѣтъ товарищей, пріѣзжалъ, послѣ первой съ ними въ Петровскомъ казематѣ разлуки (не помню въ 1849 или 1850 годахъ) въ Восточную Сибирь и, вмѣстѣ съ С. Г. Волконскимъ провелъ у меня сутки, въ Александровскомъ заводѣ, которымъ я тогда управлялъ.

Хорошо знакомый съ большею частию тѣхъ, которые были (какъ перечислялъ я выше) поселены въ Иркутскомъ округѣ, я часто, проездомъ чрезъ селенія, въ которыхъ они жили, бывалъ у нихъ, какъ добрый знакомый. Иногда же случалось заѣзжать къ нѣкоторымъ по дѣламъ службы—выдавать назначенныя бѣднѣйшимъ изъ нихъ отъ правительства пособія. Доброе знакомство мое съ ними продолжалось и въ послѣдствіи, когда многіе изъ нихъ, переѣхавъ изъ селеній, жили уже въ Иркутскѣ. Не разъ случалось мнѣ пріѣзжать въ Урикѣ къ Волконскимъ и въ Оекѣ къ Трубецкимъ, въ такое время, когда у нихъ бывали многіе изъ ихъ товарищей. Не разъ за бесѣдою, какъ это бываетъ и вездѣ, вслѣдствіе разности мнѣній, взглядовъ и знаній, происходили споры; но никогда не было замѣтно пикировки, насмѣшекъ другъ надъ другомъ и «непрекращавшихся ссоръ», какъ говоритъ г. Львовъ (стр. 359). Взаимныя отношенія ихъ отличались дружескимъ характеромъ. Товарищество и равноправность, если можно такъ выразиться, были полныя: тѣ имущіе, которые оказывали пособія болѣе бѣднымъ товарищамъ, не навязывали имъ своихъ мнѣній, а эти послѣдніе не поступались для нихъ своими.

Докторъ Вольфъ, о которомъ г. Львовъ (стр. 359) говоритъ, что онъ всегда умѣлъ всѣхъ перессорить и былъ заводчикомъ и участникомъ всѣхъ сплетенъ, едвали могъ и долженъ былъ заслужить подобный отзывъ. Воспитанникъ Виленскаго университета того времени, когда тотъ пользовался заслуженною извѣстностію, ученикъ знаменитаго Снядецкаго, онъ былъ замѣчательнымъ врачомъ и охотно подавалъ помощь каждому къ нему обращавшемуся, не требуя вознагражденія. За совѣтомъ къ нему ѣздили изъ разныхъ городовъ Восточной Сибири, иногда изъ весьма отдаленныхъ. Бывши поселенцемъ, онъ ве имѣлъ права подписывать рецепты, и ихъ подписывалъ за него военный

докторъ Данило Даниловичъ Романовскій, съ которымъ онъ и ѣздилъ къ больнымъ въ Иркутскъ, когда его туда, изъ Урика, приглашали. Мнѣ самому случалось пользоваться его совѣтами. Выше я указалъ, что многіе изъ товарищей его сгруппировались около мѣста его поселенія, а этого не могло бы быть, еслибы Вольфъ былъ такимъ, какимъ описываетъ его г. Львовъ. Одинъ изъ товарищей Вольфа по каземату, Александръ Филиповичъ Фроловъ, умершій въ Москвѣ въ нынѣшнемъ Мѣѣ мѣсяцѣ, въ воспоминаніяхъ своихъ, напечататанныхъ въ Старинѣ 1882 г. описывая отношенія свои къ Вольфу, говоритъ такъ: «Дружбу его я высоко цѣнилъ, потому что, бывши многимъ его моложе, я пользовался добрыми совѣтами человека высокообразованнаго, пріобрѣтшаго общую любовь попеченіемъ своимъ о всѣхъ нуждавшихся въ его помощи». Фроловъ добавляетъ, что въ Тобольскѣ Вольфъ, по просьбѣ преосвященнаго, читалъ въ семинаріи лекціи о Гигіенѣ. Живши же въ казематѣ, какъ говоритъ А. Ф. Фроловъ, «читалъ товарищамъ Физику, Химію и Анатомію». Подобныя лекціи по разнымъ отраслямъ наукъ читались въ казематѣ многими изъ декабристовъ. Каждый читалъ по своей специальности. Результатомъ подобныхъ чтеній было то, что многіе изъ молодыхъ декабристовъ, поступивъ въ казематъ съ весьма ограниченными свѣдѣніями, вышли изъ него съ хорошими знаніями. Не отъ одного изъ декабристовъ мнѣ пришлось слышать о В. А. Бечасномъ, который прибылъ въ казематъ почти вовсе не зная Французскаго языка, выйдя изъ каземата, зналъ его научно какъ немногіе.

Считаю умѣстнымъ привести здѣсь изъ воспоминаній Фролова еще кое-что объ учрежденномъ въ Петровскомъ казематѣ по уставу, написанному И. И. Пущинымъ, О. О. Вадковскимъ и А. В. Поджіо, общежитіи или артели. Уставъ этотъ цѣликомъ помѣщенъ въ Запискахъ Басаргина («XIX Вѣкъ» стр. 149—161). А. Ф. Фроловъ говоритъ такъ: «Конечно не можетъ быть и рѣчи о томъ, что мысль устроить артель и осуществленіе этой идеи, могли принадлежать только кому либо изъ богатыхъ, такъ какъ для этого требовалось дѣлать довольно значительные, ежегодные взносы, что возможно только имущимъ». Женатыя, которые ничѣмъ отъ нея не пользовались, «посильно помогали этому учрежденію: такъ Муравьевы и Трубецкой жертвовали отъ 2000 до 3000 руб., Нарышкинъ, Ивановъ, Фонъ-Визинъ и Волковскій до 1000 р. ежегодно». Далѣе Фроловъ, съ полною благодарностію, вспоминаетъ братское, христіанское раздѣленіе богатыми товарищами своего имущества съ бѣдными, причемъ предлагалось все такъ просто-душно, что отказаться,—значило оскорбить.

Можно ли послѣ этого придавать какое либо значеніе словамъ

г. Львова, (стр. 359), что декабристы «дружны между собою никогда не были и что ссоры между ними никогда не прекращались?»

Закончивъ съ замѣтками на сдѣланную г. Львовымъ оцѣнку декабристовъ вообще, я не считаю лишнимъ поговорить здѣсь нѣсколько и объ оцѣнкѣ имъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ частности.

Немудрено, что Никита Михайловичъ Муравьевъ, человекъ большаго ума и съ огромнымъ запасомъ основательныхъ знаній, могъ заслужить отъ г. Львова эпитетъ полусумасшедшаго, хотя не только товарищи, но и никто изъ знавшихъ его въ Сибири не имѣли не только основаній, но и малѣйшихъ поводовъ считать его такимъ: молчаливый, серьезный и необщительный, отдавшій себя послѣ смерти жены своей (сестры З. Г. Чернышова) всецѣло воспитанію дочери, онъ держался отъ г. Львова въ сторонѣ, не входя съ нимъ ни въ какія общенія, за что вѣроятно и заслужилъ эпитетъ полусумасшедшаго (стр. 359).

В. А. Бечасновъ, о которомъ я сказалъ выше, и А. А. Быстрицкій были люди образованные, умные и отнюдь не (какъ называетъ ихъ г. Львовъ) ни на что неспособные.

Александръ Ивановичъ Якубовичъ, человекъ могучаго склада, сильный и обстрѣленный въ стычкахъ съ горцами на Кавказѣ, гдѣ если не ошибаюсь, а не на дуэли съ Грибоѣдовымъ, какъ говоритъ г. Львовъ (стр. 359), получилъ страшную свою на лбу рану, такимъ фатомъ и трусомъ, чтобы ходить вездѣ и всюду съ винтовкою за спиною, никогда не былъ; да если бы даже, чего никакъ нельзя допустить, и вздумалъ когда либо, хоть разъ, пройтись съ нею гдѣ нибудь кромѣ охоты, то за это вѣроятно получилъ бы порядочный нагоняй отъ генерала Руперта, который, служивъ до опредѣленія въ Сибирь по жандармскому корпусу, держалъ себя слишкомъ осторожно и берегся всего, опасаясь ответственности. Мнѣ приходитъ въ голову, не смѣшаль ли г. Львовъ А. И. Якубовича съ Войнаровскимъ, вспомнивъ, какъ тотъ былъ описанъ К. Θ. Рылѣвымъ въ его poemъ *)... Далѣе объ Александрѣ Ивановичѣ г. Львовъ говоритъ: «онъ поступилъ въ Иркутскъ въ прикащики къ винному откупщику Малевинскому». Такъ да не такъ. Золотопромышленная компанія, состоявшая изъ И. Θ. Базилевскаго, родственника его (женатаго на его племянницѣ) Н. И. Ма-

*) „Но кто украдкою изъ дому,

„Въ туманъ раннюю порой,

„Идетъ по берегу крутому,

„Съ винтовкой длинною за спиною?..“ и т. д.

левинскаго и еще другихъ лицъ, открывъ, въ сѣверной части Енисейскаго округа, два богатые пріиска: Отрадный по р. Сиво-Гликону и Ольгинскій по р. Атомску, и устроивъ, для заготовленія для нихъ припасовъ, на р. Енисей, Ермаковскую резиденцію, нуждалась, для управленія ея, въ честномъ и дѣльномъ человѣкѣ, которому бы могла вполне вѣрить. Вотъ на эту-то должность и пригласили Александра Ивановича. Проживъ на резиденціи нѣсколько лѣтъ, онъ тамъ и умеръ.

М. С. Лунинымъ г. Львовъ (вѣроятно на основаніи данной ему по словамъ его власти устраивать декабристовъ на поселеніи) играетъ какъ пѣшкой: то онъ отправляетъ его на поселеніе съ А. В. Поджіо въ Оёкъ (стр. 358), гдѣ заставляеть лечить больныхъ и помогать бѣднымъ (стр. 361) и куда однажды ѣдетъ съ нимъ изъ Иркутска, подпоивъ будто бы его за сытнымъ обѣдомъ, такъ что тотъ сначала распѣвалъ куплеты, а потомъ, по требнику «бормоталъ молитвы» (стр. 361). то переселяетъ его въ Урикъ (стр. 360) и, наконецъ, переводить опять въ Оёкъ (стр. 364), откуда уже провожаетъ въ Акатуй.

На самомъ же дѣлѣ, въ то время, когда г. Львовъ былъ въ Иркутскѣ, М. С. Лунинъ жилъ въ Урикѣ, въ собственномъ своемъ домѣ, откуда, а не изъ Оёка, былъ взятъ и высланъ въ Акатуй. Домъ свой онъ оставилъ, какъ мнѣ помнится, крестьянину старику Васильичу, а не Антипычу, какъ называетъ его г. Львовъ (стр. 362, 364 и 365). Трудно понять, съ чего это вздумалось г. Львову рассказывать о посылкѣ почтодержателемъ Василиемъ Анкудиновичемъ Яковлевымъ съ ямщикомъ, везшимъ г. Львова, на дорогу М. С. Лунина пачки денегъ. Василий Анкудиновичъ хорошо зналъ, что М. С. Лунинъ, получая достаточно денегъ отъ родныхъ изъ Россіи, не могъ нуждаться въ чемъ либо пособіи и поэтому не рѣшился бы никогда ему ихъ послать; а еслибы и рѣшился, то не думаю, чтобы могъ показать такое явное недовѣріе г-ну Львову, передавая, въ глазахъ его, деньги для доставленія, не ему, а какому-то ямщику. Еще труднѣе понять, почему г. Львовъ говоритъ о немъ: «почтосодержателемъ тогда въ Иркутскѣ былъ клейменный, отбывшій уже каторгу, старикъ 75 лѣтъ Анкудинъ, всѣми очень любимый» (стр. 363). Почтосодержатель этотъ, крестьянинъ Жилкинской волости, Иркутскаго округа, Василий Анкудиновичъ Яковлевъ, имѣвшій огромное хлѣбопашество и содержавшій часто по нѣскольку станцій почтовой и обывательской гоньбы, отнюдь не такой еще старикъ, какимъ описываетъ его г. Львовъ (ему было въ то время лѣтъ подъ 60), клейменнымъ и въ каторгѣ никогда не бывъ. Съ чего это г. Львову вздумалось приписать ему все это и называть его еще «варнакомъ»? Вѣроятно для картинности разсказа.

Мнѣ кажется страннымъ, зачѣмъ это г. Львову (стр. 364) понадобилось жандармскаго офицера Владимира Васильевича Полторанова перекрестить въ Гаврила Петровича. Неужели для того только, чтобы навязать Лунину собственнаго издѣлія остроту: *Et celui-là, cette fois, c'est mon ange Gabriel* (стр. 364).

Все высказанное мною выше показываетъ, мнѣ кажется, довольно ясно и опредѣленно, можно ли имѣть и какое именно довѣріе къ разсказу г. Львова о кружкѣ декабристовъ...

Не могу не сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній относительно нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ, упоминаемыхъ въ разсказѣ г. Львова.

Вездѣ, гдѣ только г. Львовъ говоритъ объ И. С. Персинѣ, онъ говоритъ такъ, что незнающему можно подуматъ, что тотъ былъ приуроченъ именно къ нему для его поѣздки. Такъ на стр. 353 онъ говоритъ, что матушка его изъявила на поѣздку согласіе «съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы ѣхалъ со мною докторъ Иванъ Сергѣевичъ Персинъ, которому и сдали меня на руки»; на стр. 355, что генералъ Рупертъ, удержавъ его (г. Львова) къ обѣду и узнавъ, что докторъ при немъ, тутъ же послалъ приглашать и его къ обѣду и (на стр. 361), разсказывая, что когда онъ подпоилъ, будто бы, за обѣдомъ у себя Лунина, то за это ему отъ доктора досталось.

И. С. Персинъ, сколько я помню, пріѣхалъ на службу въ Иркутскъ еще въ 1835 году. Потомъ много разъ ѣздилъ онъ оттуда, по своимъ и чужимъ дѣламъ, въ Россію, пока наконецъ въ 1869 г. не выѣхалъ на постоянное жительство въ Петербургъ, гдѣ и умеръ. На службѣ правительства онъ былъ въ Сибири недолго: сначала въ Иркутскѣ, а потомъ въ Кяхтѣ, занимаясь довольно много частною практикою, а потомъ золотопромышленностію. Если онъ и пріѣхалъ съ г. Львовымъ въ Сибирь, то отнюдь не какъ состоящій при немъ докторъ, а какъ спутникъ. У насъ въ Сибири ^{Кяхтѣ} говорятъ: «попутчикъ».

Жена князя Сергѣя, не помню отчества, Трубецкаго (племянника декабриста Сергѣя Петровича Трубецкаго) Надежда Ивановна, въ 1850 или 1851 году, была за жестокое обращеніе съ крѣпостными, хотя и сама происходила изъ того же сословія, по приговору суда, но лишениі всѣхъ правъ, прислана въ Александровскій заводъ *), которымъ я тогда управлялъ. Приговоромъ было постановлено держать ее

*) Александровскій винокуренный заводъ верстахъ въ 70 отъ Иркутска, по Ангарскому тракту. Заводъ давно уже закрытъ, и теперь тамъ центральная тюрьма.

въ заключеніи, не выпуская, что и исполнялось строго до 1852 года, когда она, съ уменьшеніемъ команды рабочихъ Александровскаго завода (по случаю отдачи его въ арендное содержаніе купцамъ Медовикову, Шведовымъ и Юдину) была, вмѣстѣ съ прочими излишними рабочими, выслана въ Иркутскій солеваренный заводъ. Она была весьма красивая женщина. Это объясняетъ нѣсколько женитбу на ней барина, не смотря на полную ея необразованность и дурной характеръ. Когда она была прислана въ Александровскій заводъ, ей было не болѣе 35 лѣтъ. Въ дорогѣ изъ мѣста ссылки (не помню губерніи) до завода, она могла находиться, при тогдашнемъ способѣ пересылки, никакъ не болѣе 1½—2 лѣтъ; слѣдовательно видѣть ее въ 1838 году, въ Тобольскѣ, да еще въ возрастѣ 32 лѣтъ (стр. 355) г. Львовъ не могъ уже никакъ. Вѣроятно о ссылкѣ ея онъ слышалъ гдѣ нибудь впоследствии и помѣстилъ для пополненія своихъ *личныхъ* воспоминаній.....

Игравшій у генераль-губернатора (стр. 356) во время данныхъ имъ г. Львову, въ первый же день его пріѣзда, обѣда и концерта, Полякъ, былъ не Крошечскій, а Кошевскій. Студентъ какого-то, чуть ли не Московскаго, университета, онъ, за юношескую шалость, былъ посланъ въ Иркутскъ въ рядовые, пробылъ тутъ нѣсколько лѣтъ въ числѣ музыкантовъ и потомъ, по ходатайству генерала Руперта, получилъ, кажется, первый чинъ и былъ переведенъ куда-то въ Россію.

Перечисляя возложенныя на него порученія, г. Львовъ описываетъ все такъ, что человѣку, не знающему хода дѣлъ и всѣхъ обстоятельствъ, можно ясно подуматъ, что г. Львовъ былъ вполне самостоятельнымъ дѣятелемъ и что все поручено было ему единолично. Повѣрить этому можно тѣмъ болѣе, что г. Львовъ (стр. 356) говоритъ: «канцелярію мою составляли, кромѣ чиновника Успенскаго, дѣлопроизводитель, два землемѣра и три писца». Трудно допустить, чтобы Петръ Николаевичъ Успенскій, въ то время, если не статскій, то навѣрное коллежскій уже совѣтникъ и чиновникъ особыхъ порученій генераль-губернатора, могъ быть командированъ въ распоряженіе г. Львова, тогда почти юноши. Скорѣе всего, что г. Успенскій, хорошо знавшій край и имѣвшій возможность дать дѣльныя указанія, былъ прикомандированъ мѣстною властью, никакъ не къ г. Львову, а къ комиссіи, которой однимъ изъ членовъ былъ и г. Львовъ. Комиссія эта, какъ я хорошо помню, была послана въ Сибирь по распоряженію графа Киселева, по дѣламъ управляемаго имъ Министерства Государственныхъ Имуществъ. Членами ея кромѣ г. Львова были генераль-майоръ (можетъ быть, и лейтенантъ, хорошо не помню) Николай Львовичъ Черкасовъ и нашъ Сибирякъ Николай Семеновичъ Щукинъ.

Первый изъ нихъ былъ ея предсѣдателемъ. Коммиссія эта поѣздила по разнымъ мѣстамъ Сибири года съ два, не очень вдаваясь какъ въ глубь мѣстности, такъ и дѣль, и потомъ была закрыта. Какой былъ результатъ ея поѣздки, не знаю. Современники говорили, что никакого.

Неизлишнимъ считаю сообщить, какимъ образомъ очутилась въ Иркутскѣ, въ генераль-губернаторскомъ домѣ, копія съ портрета Державина, о которой г. Львовъ говоритъ въ примѣчаніи на 356 страницъ.

Домъ, въ которомъ живутъ теперь генераль-губернаторы Восточной Сибири, принадлежалъ прежде Иркутскому купцу Ксенофонту Михайловичу Сибирякову. Послѣ смерти его домъ этотъ, казною или городомъ, не знаю, былъ купленъ для квартиры генераль-губернаторовъ. Первымъ изъ нихъ вступилъ въ него генераль Рупертъ. Прене (которыхъ я помню) генераль-губернаторы А. С. Лавинскій, Н. С. Сулима и С. Б. Броневскій, жили въ томъ домѣ, въ которомъ впоследствии помѣщался штабъ (на площади противъ гаубтвахты). Въ числѣ движимости, пріобрѣтенной съ домомъ Сибирякова, поступилъ и портретъ Г. Р. Державина. О происхожденіи его, отъ людей, заслуживающихъ довѣрія, я слышалъ такъ. Ксенофонтъ Михайловичъ Сибиряковъ *), человѣкъ необразованный, но очень умный и служившій въ Иркутскѣ городскимъ головою, уважая Державина, послалъ, или можетъ-быть, бывая въ Россіи, привезъ лично въ подарокъ ему соболю шубу и шапку, въ которыхъ тотъ и изображенъ на портретѣ. Портретомъ этимъ Гавріилъ Романовичъ отдалъ А. К. Сибирякова за шубу и шапку.

Въ заключеніе я хотѣлъ бы сказать многое о женахъ Декабристовъ, но писать что-либо отъ себя лично въ ихъ защиту я считаю излишнимъ. Объявлять бѣлое не нужно. Оставленіе родины, близкихъ сердцу родныхъ и друзей, принесеніе въ жертву долгу своего общественнаго положенія и матеріальныхъ средствъ, лишеніе не только всѣхъ удобствъ жизни, но и всѣхъ правъ, и взамѣнъ того поѣздка къ мужьямъ въ глубь Сибири, въ ссылку, на встрѣчу всевозможнымъ неудобствамъ и даже оскорбленіямъ, какъ это и было на самомъ дѣлѣ: все это говорить само за себя. Я приведу здѣсь только отзывы о женахъ декабристовъ, товарищей ихъ мужей, которые, раздѣляя съ ними продолжительное изгнаніе, должны считаться лучшими ихъ цѣнителями.

*) Дочь его Александра Ксенофонтовна Медвѣдпикова живетъ въ Москвѣ, въ своемъ домѣ.

Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій, давно уже умершій на Кавказѣ, въ альбомѣ покойной княгини Марьи Николаевны Волконской, 25 Декабря 1829 года, о пріѣздѣ ея и другихъ подругъ ея къ мужьямъ своимъ, говорить между прочимъ такъ:

„Вдругъ Ангелы съ лазури низлетѣли
„Съ отрадою къ страдальцамъ той страны,
„Но прежде свой небесный духъ одѣли
„Въ прозрачныя землины пелены“.

и за тѣмъ далѣе, что съ пріѣздомъ ихъ

.....«лились въ темницѣ дни, лѣта,
„Въ затворникахъ печали всѣ уснули.
„И лишь они страшились одного,
„Чтобъ Ангелы на небо не вспорхнули.
„Не сбросили покрыва своего“.

Бѣляевъ же, Александръ Петровичъ, одинъ изъ многихъ остающихся теперь въ живыхъ декабристовъ (живетъ въ Москвѣ), черезъ полстолѣтіе слишкомъ послѣ того, что сказано выше княземъ (Одоевскимъ, въ Запискахъ своихъ о женахъ своихъ товарищей говорить такъ: «Кто, кромѣ Всемогущаго Мздовоздаятеля, можетъ достойно воздать вамъ, чудныя, ангелоподобныя существа, слава и краса вашего пола, славы странъ васъ произростившей, слава мужей, удостоившихся такой безграничной любви и такой преданности такихъ чудныхъ, идеальныхъ женъ! Вы стали, по истинѣ, образцомъ самоотверженія, мужества, твердости, при вашей юности, нѣжности и слабости вашего пола. Да будутъ незабвенны имена ваши».

Женщины, о которыхъ съ такимъ увлеченіемъ говорятъ отдѣленные промежуткомъ времени болѣе полустолѣтія, поэтъ недостижній тогда еще 30 лѣтняго возраста и скромный составитель записокъ о прожитомъ имъ времени, 80 лѣтній старецъ, должны пользоваться полнымъ уваженіемъ каждаго хорошаго человѣка и отнюдь не заслуживаютъ намековъ и отзывовъ, дѣлаемыхъ г. Львовымъ. Что же касается насъ, Сибиряковъ, то мы и черезъ полвѣка вспоминаемъ о нихъ какъ о живыхъ примѣрахъ всего добраго, чистаго и прекраснаго и хранимъ глубокую благодарную память къ этимъ добровольнымъ изгнанникамъ.

И. В. Ефимовъ.

(Сообщено).